

УДК 008:39“18”(=172/=161):[7.035(476)+316.7]

ЛИТВИНСКО-КРИВИЦКИЙ КОНЦЕПТ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ РОМАНТИЗМА

канд. культурологии И.М. ШУМСКАЯ
(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Выявляется взаимосвязь этнокультурной парадигмы с процессом национальной самоидентификации. Анализируется литвинско-кривицкий концепт, становление которого началось в эпоху романтизма и который оказался весьма востребованным среди определенной части современной белорусской интеллектуальной элиты в качестве инструмента, подчеркивающего уникальность местной этнокультурной среды и её обособленность от так называемого «русского мира». Автор рассматривает возврат интереса к данному концепту в качестве частного проявления политического романтизма. Отмечается, что феномен этнокультурной парадигмы может выступать в роли значимого недостающего звена, помогающего конкретизировать научную картину социокультурной действительности.

Введение. Стремительные преобразования в глобализующемся мире требуют не только всестороннего критического анализа прошлого, но и серьёзной культурологической оценки проблем национального возрождения с учетом специфики существующих этнокультурных парадигм как систем идейно-ценностных ориентиров, базирующихся на традициях и архетипах, закреплённых в культурной памяти того или иного этнокультурного сообщества. Противоречивость феномена этнокультурной парадигмы во многом обусловлена идеологическим противостоянием: различные политические, социокультурные группировки стремятся утвердить в обществе собственный подход к исторической памяти и восприимчивости этнонациональных общностей. К примеру, в Российской империи активно культивировались идеи соборности и русского триединства, сменившиеся в советскую эпоху доктриной «советского народа», а в новейший период – концептами транснациональных сообществ, гражданской нации и т.д. Многовековые культурные традиции различных этнических общностей доказали свою гораздо большую жизнестойкость, нежели искусственно формируемые идеологические догмы. Что касается фундамента научного осмысления этнокультурных парадигм, то он, наряду с активным продуцированием идей национального возрождения, был заложен именно первыми теоретиками романтизма.

В отечественной гуманитарной науке закрепились заимствованная из советского литературоведения тенденция восприятия феномена романтизма как художественного направления. Его до недавних пор принято было рассматривать наряду с классицизмом, модернизмом, реализмом, а также как отдельную эпоху, формально стартовавшую с момента Великой французской революции. При этом убедительно объяснить, почему же это, как утверждали опиравшиеся на идеи марксизма исследователи (Н.Я. Берковский, В.М. Жирмунский, М.Ф. Овсянников и др.), «антибуржуазное» движение возникло в ответ именно на французскую буржуазную революцию (а не английскую или нидерландскую), и к тому же расцвело отнюдь не во Франции, а изначально в Германии, не считалось необходимым. На универсально-интегративный и надэпохальный характер романтизма неоднократно указывали сами романтики, а французский исследователь А. Жуссен в монографии «Романтизм и эволюция творчества» (1912) утверждал: «Слово романтизм можно понимать в узком и широком смысле. В первом смысле оно определяет литературную школу, имеющую в истории свою дату и принадлежащую прошлому. В широком смысле романтизм применяется к формам мысли и чувства, выходящим далеко за пределы романтической эпохи, как в прошлом, так и в будущем. Романтизм как определённый момент в истории литературы и искусства начинается в конце XVIII столетия и наполняет первую половину XIX столетия. Но Данте в средние века, Шекспир в XVI, Рембрандт в XVII столетии нам дали совершенные образцы романтического искусства. Платон, объявляющий в «Федре» «поэзию мудрых, навсегда вытесненную гимнами, дышащими божественной страстью», даёт апологию романтизма. Эсхил в своём «Прометее» – тоже романтик [1, с. 89].

Важную особенность анализируемого феномена раскрывает В. Колесник: «Романтизм в Европе, согласно осторожным энциклопедическим мнениям, начался где-то в 70-е годы XVIII столетия и закончился в 80-е годы XIX столетия, а белорусский романтизм после смерти европейского только входил в силу, расцвета же достигнул после революции 1905 года и продолжил развивать свое революционное течение в Западной Беларуси 20-х годов» [2, с. 201].

Несмотря на отсутствие единства мнений в отношении темпоральной принадлежности романтизма, высокая степень его идейного влияния на формирование национального самосознания европейских народов уже давно не вызывает сомнений и споров. Как подметил В.В. Зеньковский, «романтизм везде имеет национальную окраску, нет романтизма вообще, а есть немецкий, французский, английский романтизм – всюду различный» [3, с. 156]. Очевидно, что белорусский романтизм имеет много общего с

романтизмом общеевропейским. Но в то же время это глубоко национальное явление, питаемое местным мировосприятием и историзмом мышления. В отличие от романтизма западноевропейского, белорусский романтизм выступал не столько против норм буржуазного общества и просветительских рационалистских идей, сколько за развертывание национально-освободительного движения и борьбу с российским империализмом. Об этом, в частности, свидетельствовал Антон Луцкевич: «Если взглянуть на то, каким духовным делом поддерживалась наша местная интеллигенция в первой половине XIX столетия, то увидим, что она жила под сильным влиянием романтизма» [4, с. 25]. И каким бы парадоксальным это ни казалось, но и в наши дни большинство национально-ориентированных концепций по-прежнему подпитывается актуализированной романтической картиной мира.

Благоприятную почву для конкуренции различных этнокультурных концептов создает то, что среди ученых до сих пор не сформирована единая точка зрения относительно этногенеза белорусов. Существует множество разнообразных версий о том, откуда пошли белорусы, где находятся их этнические корни, в пределах каких государственных образований шло формирование нашей нации. Наличие нескольких концепций возникновения Беларуси и происхождения белорусского народа обусловлено сложностью самого процесса образования этнической территории и способов ее исследования, разнообразием источников, которые очень часто в корне отличаются друг от друга. Одной из таких теорий происхождения белорусского народа является кривичская теория, сформулированная в основных чертах еще во второй половине XIX века и получившая значительное развитие в начале XX века в трудах ряда ученых, в частности известного белорусского историка и общественного деятеля Вацлава Ластовского (1883–1938 г. ж.). Он утверждал, что в основе становления белорусского народа лежит традиционная культура одного из первых восточнославянских этнических сообществ – племени кривичей, которые и являются предками белорусов. Ученый исходил из того, что именно кривичи были наиболее многочисленным сообществом среди племен на территории современной Беларуси и занимали некоторые земли за ее пределами. Более того, именно на территории их расселения было образовано Полоцкое княжество, оказавшее существенное влияние на развитие остальной части белорусских земель. В своем «Патриотическом молитвеннике» В. Ластовский взывал: «Слава Кривичанскому Народу во всех его исторических именах – Кривии, Литвы, Беларуси, – как была испокон веков, так и теперь на веки вечные» [5, с. 415].

Несмотря на ряд фактов, свидетельствующих в пользу данной теории, ее основное положение, что предками белорусов являются кривичи, а этническая территория белорусского народа сформировалась на этнической территории кривичей, противоречит действительности. Кривичи и их этническая территория (Кривия) исчезли в середине XII века, а белорусский этнос, его этническая территория в это время еще не сформировались. Спорность данной концепции выявляется и в том, что она не может убедительно объяснить возникновение этнических черт южного населения, поскольку кривичи жили только в северной и центральной части современной Беларуси. Этноним «кривичи» вызвал множество неоднозначных толкований среди историков. Одни исследователи опирались на ландшафтную версию, полагая, что местность расселения кривичей была «кривой», т.е. холмистой; другие усматривали связь с именем родоначальника племени Кривь, или же от имени верховного жреца балтов Криве-Кривейте.

Хронист начала XIV века Пётр из Дусбурга пишет о верховном балтском жреце: «...живет некто Криве, которого они [пруссы] почитали как [римского] папу, ибо как господин папа правил вселенской церковью христиан, так и по его воле или по велению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литовцы, и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из родичей его, но даже гонец с его посохом или другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобелей и простого люда» [цит. по: 6, с. 23]. Если принять во внимание, что территорию Подвинья долгое время населяли балты, активно взаимодействовавшие с пруссами, а расселение части славян происходило именно с Запада, где они имели возможность тесного контакта с балтскими жрецами, вполне вероятной представляется версия, что пришельцев возглавлял один из жрецов. В пользу этой гипотезы говорит и священный смысл самого корня «крив», что выявляется даже в этнографических материалах XIX века с территории расселения полоцко-смоленских кривичей. Так, например, Русальная неделя на Смоленщине носила название кривой. В Полоцком Подвинье Колядные вечера назывались кривыми или святыми.

Прямое упоминание кривов-жрецов в кривичских землях встречается в грамоте великого князя Ольгерда 1359 года. Последний верховный жрец скончался в начале XV века. Сообщая об этом, анонимная летопись того времени «Церковная история» подчеркивает тесную духовно-культурную и правовую связь балтских и кривичских земель: «28 июля 1414 года в деревне Анкаим умер Криве-Кривайть (Krewе-Krewayto) по имени Гинтовт, 74-й первосвященник; с ним пал сан, некогда очень важный в делах святых и судебных во всей земле Литовской, Пруссии, Литве, Жемайтии, Куронии, Земгалии, Ливонии, Латгалии и даже в землях кривичских руссов (Creviczensivim Russorum)» [7, с. 438].

Известные белорусские ученые Я.Ф. Карский и В.И. Пичета, включившие в состав предков белорусов не только кривичей, но радимичей и дреговичей, в некоторой степени преодолели однобокость

кривичской теории. Однако и они не учли того важного фактора, что между славянскими племенами, с одной стороны, и белорусами – с другой, нет прямой линейной преемственности. Ведь помимо славянских племён значительный вклад в становление современного белорусского народа внёс так называемый «балтский субстрат», что, в частности, подчёркивал в своей концепции известный историк Н.И. Ермолович. Племена же дреговичей, кривичей и радимичей как отдельные этнические сообщества прекратили свое существование в XII веке, а фундаментальные основы белорусской нации на тот момент еще не сформировались. Тем не менее сегодня в Беларуси существует немало приверженцев «кривицкой» теории, сгруппированных в основном вокруг сообщества центра этнокосмологии «KRYŪJA».

Помимо «кривичской теории», в последнее время в информационном пространстве Беларуси все чаще стало фигурировать понятие «литвин» в качестве способа альтернативной самоидентификации представителя белорусского этноса. У «литвинизма» имеются вполне конкретные исторические предпосылки, ввиду чего его популярность сегодня представляется неслучайной. Несмотря на то, что распространение подобных идей происходит по большей части лишь среди националистически настроенной интеллигенции, в перспективе они способны изменить не только культурную, но и национальную составляющую белорусского этнокультурного самосознания. В случае с концептом литвинизма в его нынешних проявлениях речь идёт даже не столько о национальном самоопределении, сколько об обобщении этнокультурной принадлежности.

Прежде всего, термином «литвины» обозначались во множестве исторических источников жители Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского, большинство которых составляли предки современных белорусов. Причём название «литвины» применительно к Великому Княжеству Литовскому не имело этнического содержания, а выполняло функцию обобщающего, наднационального понятия. Фактически литвины в Княжестве представляли довольно пёструю картину: католики, протестанты, униаты, «сарматствующие литвины» и т.д. Великий князь Казимир Ягайлович в договоре с Новгородом 1440 года так говорит о своих «литвинах» и «русских»: «...А што моихъ людеи, или Литвинъ, или Витбленинъ, или Полочанинъ, или Смолнянинъ, или съ иныхъ нашихъ Рускихъ земель...» [8, с. 52]. Названия «Литвин» и «Русин» были законодательно закреплены в Статутах Великого княжества Литовского: «... все мы и потомки наши Великие Князи Литовские давати будутъ повинни только Литве а Руси... толко здавна предковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского Литвинъ и Русинъ» [9, с. 81].

«Литвином» в Ягеллонский университет и «русином» в Падуанский записался выдающийся просветитель и первопечатник Франциск Скорина, уроженец Полоцка. К «литвинам» причислял себя и выдающийся просветитель и философ, деятель Реформации, автор перевода на белорусский язык «Катехизиса» и основатель в 1560 году Несвижской печатной мастерской Сымон Будный. Основоположник новой белорусской драматургии Винцент Дунин-Марцинкевич считал, что он вырос «среди литвинов». Учёный Игнат Домейко в своей книге «Мои путешествия» писал о «наших литвинах», не выделяя при этом отдельно ни белорусских шляхтичей, ни крестьян. В дипломе почётного доктора медицины Домейко, выданном Ягеллонским университетом в 1887 году, отмечено: «...славному мужу Игнатию Домейко, литвину...». Легендарная фраза А. Мицкевича «O Litwo, Ojczyzno moja!» красноречиво подтверждает, что во времена великого поэта его родная Новогрудчина считалась именно частью Литвы, поскольку широкое использование этнонима «Беларусь» наступило значительно позднее.

Вообще, этноним «Литва» у представителей литературы романтизма становится своеобразным многофункциональным тематическим полем идейной борьбы, где решается судьба новой, «романтической» мифопоэтики. К образу Литвы как обобщённому историко-культурному континууму, а не строго локализованному географически понятию, обращались позднее и такие известные писатели уже нашей эпохи, как Чеслав Милош и Якуб Колас. К примеру, герой колосовской трилогии «На ростанях» Баранкевич именуется не иначе как литвином [10, с. 62–63]. В эпоху Романтизма и позднее литвинами себя называли дворяне, которые связывали себя с традициями Великого Княжества Литовского и были носителями патриотического государственного самосознания даже тогда, когда этого государства уже не было, а традиции и воспоминания о нем еще долго жили. Так, например, всецело любил подчеркивать свой «литвинизм» известный этнограф Ян Карлович [11, с. 73].

В XXI веке возрос интерес к концепту литвинизма, а его отдельные элементы нередко используются как консолидирующая основа для обретения единомышленников. Сейчас в отечественном информационном пространстве можно выделить несколько подходов к использованию литвинского концепта [12]:

1) *радикальный*. Подразумевает невосточнославянское происхождение литвинов (готы, балтославяне, венецы и т.д.). Выдвигаются претензии к России за многовековое угнетение их наряду с призывами к историческому реваншу;

2) *умеренно-радикальный*. Непризнание участия балтов в формировании Великого Княжества Литовского, присвоение этнонима «литовцы» славянами, требование вернуть древние литвинские земли (Вильно, Белосток, Смоленск, Брянск). Негативное отношение к западнорусистам, желание значительно расширить сферу применения белорусского языка;

3) *умеренный*. Отождествление литвинской культуры с историей Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Поддержка униатства, шляхетское самосознание. Отрицание этнического единства в восточнославянском мире, общности исторической судьбы «трёх братских народов – русских, белорусов, малороссов», ощущение унижения и угрозы со стороны России;

4) *умеренно-либеральный*. Ощущение наиболее сохранившихся восточнославянских черт, по сравнению с русскими и украинцами, нежелание становиться вровень. Стремление во что бы ни стало сохранять свою государственность, отгораживаясь от проблем восточных и южных соседей. Требование от небелорусов лояльности, ощущения себя некоренными жителями, уважения литвинского понимания истории;

5) *либеральный*. Признание за белорусами права пользоваться привычной для них разговорной формой языка. Осознание себя как части Европы, куда России вход закрыт. Российская государственность рассматривается как антагонизм и угроза поглощения Беларуси. Обособление от единого культурного пространства с Российской Федерацией в пользу доминирования своих этнокультурных особенностей.

Все эти подходы так или иначе обособляют белорусов от «единого русского мира», что, безусловно, весьма раздражает приверженцев этой идеи, сгруппированных в основном вокруг таких информационных ресурсов, как *regnum.by*, *sobor.by*, *zapadrus.su*, *imperiya.by*, привыкших рассматривать Беларусь как северо-западную окраину Российской империи, а впоследствии и СССР. Одновременно в современном литвинизме кроется и определенная опасность, ведь некоторые радикальные его представители выдвигают сепаратистские идеи, вплоть до разделения страны на две части. Наряду с этим «европеизация» Беларуси, за которую агитирует большинство современных отечественных интеллектуалов, с одной стороны, обусловлена исторически, с другой – несет в себе ряд скрытых угроз развитию этнокультурной идентичности, о чем, в частности, свидетельствовал социолог Виталий Силицкий: «Европа – это не нация (чтобы там не говорили Хабермас и Деррида, конструируя европейскую идентичность как сопротивление американизму), и определить, что делает нас европейцами невозможно, не определив, что делает нас нацией» [13, с. 15].

На наш взгляд, возрождение интереса к «кривицкой» теории и «литвинизму» в современном белорусском обществе можно рассматривать как частное проявление политического романтизма (терминология Карла Шмитта), для которого характерны:

- эклектичная идеология, изменение зависит от масштаба случая или удобного момента;
- весьма вольное обращение с политической терминологией;
- экспрессивность формулировок, стремящихся заразить собеседника или читателя аффектом, а не передать мысль;
- политическая непродуктивность;
- ирония по отношению к политической действительности, но не к себе [14].

Большинство этих признаков, по нашему мнению, находят отображение в нынешнем политическом ландшафте Беларуси с его слабым национальным самосознанием и гражданской пассивностью большинства, а также архаично-романтическими ментальными установками, присущими лидерам оппозиционных движений и партий.

Заключение. Сегодня нации и народности переживают, по сути, новый исторический этап, когда этнокультурные парадигмы могут трансформироваться в национальные доктрины, способные продуцировать новые цели, символы и смыслы, не отвергающие традиции культуры, с ориентацией на глобальные тенденции мирового развития, формирующиеся реалии постиндустриального, информационного общества. В этом отношении феномен этнокультурной парадигмы как таковой может выступить в роли значимого недостающего звена, которое поможет восполнить, уточнить, конкретизировать научную картину социокультурной действительности и объяснить эффективность (или неэффективность) функционирования существующего многообразия социальных теорий и концепций. В свою очередь, осмысление литвинско-кривицкого концепта играет важную роль при выявлении закономерностей развития актуальной этнокультурной идентичности как наших соотечественников, так и соседей из ближнего зарубежья.

В целом необходимо отметить следующее:

- для первых последователей романтической идеологии были более значимыми культурные, а не политические идеи, отчего национальную общность они видели расплывчато, ограничиваясь преимущественно декларациями общего характера. Главным для романтиков было государство, достоинства которого не ставились под сомнение, а нация воспринималась скорее через фольклор и идеализированные эпизоды истории (миф о былом величии). Ныне же ряд идей, почерпнутых из романтической философии, используется неоконсерваторами и приверженцами «кривицко-литвинской» идеологии в сочетании с постановкой конкретных политических задач;

- в современных условиях разграничение наций и национализмов на гражданские и этнические является нечётким в теоретическом и малопродуктивным в практическом отношении. Как отмечал еще М. Грох, «английское *nation* включает всех, живущих под властью одного правительства, т.е. нечто очень близкое к государству, тогда как немецкое *die Nation* традиционно ассоциировалось с общими культурой

и языком. Поэтому термин «национализм» имеет разные коннотации в английском и, скажем, в испанском или чешском» [15]. Соответственно, манипулирование родственными по этимологии дефинициями «нация», «национализм» и «нацизм» в публичном дискурсе нередко используется в целях демагогической спекуляции и политической провокации;

- ввиду того, что развитие нации сочетает в себе черты политического проекта и этнокультурного процесса, целостный взгляд на этот феномен возможен лишь с пониманием роли гражданского и этнокультурного начал, находящихся в отношениях взаимного дополнения. При этом важен анализ каждой из существующих в современном информационном пространстве этнокультурных парадигм, поскольку даже отнюдь не самая заметная из них впоследствии может оказать существенное влияние на процесс самоидентификации как отдельных социальных групп, так и народа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуссен, А. Романтизм и Эволюция Творчества / А. Жуссен. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1912. – 153 с.
2. Калеснік, Ул.А. Тварэнне легенды: літаратурныя партрэты і нарысы / Ул.А. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 431 с.
3. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский. – М.: Республика, 1997. – 368 с.
4. Навіна, А. (А. Луцкевіч). Адбітае жыццё: лекцыі і стацыі з бел. адраджэнскае літаратуры / А. Навіна. Кн. 1. – Вільня: Выд. Беларус. выдавецкага т-ва, 1929.
5. Ластоўскі, В. Патрыятычны Малітвенік / В. Ластоўскі // Выб. тв. / уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1997. – 500 с.
6. Кулаков, В.И. Забытая история пруссов / В.И. Кулаков. – Калининград, 1992. – 36 с.
7. Narbutt, T. Dzieje starożytne narodu Litewskiego / T. Narbutt. – Wilno: Nakładem i drukiem A. Marciniowskiego, 1835. – Т. 1: Mitologia litewska. – 482 s.
8. Акты, относящиеся к истории Западной России: сб. док.; собр. и изд. Археографической комиссией. – СПб.: Археографическая комиссия, 1846–1853. Т. 3: 1544–1587. – Тип. Э. Праца, 1848.
9. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Ухо; рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: РІВШ, 2003. – 350 с.
10. Колас, Я. Збор твораў / Я. Колас. – Мінск: Полымя, 1963. – Т. 3.
11. Mieczysław Karłowicz w listach i wspomnieniach / oprac. H. Anders. – Kraków: PWM, 1960. – 711 S.
12. Евтушенко, М. «Литвинизм» в Беларуси как политический проект. Его особенности и перспективы / М. Евтушенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imperiya.by/authorsanalytics19-2428.html>. – Дата доступа: 30.03.2014.
13. Сіліцкі, В. Дылемы выбару / В. Сіліцкі // Беларусь: ні Эўропа, ні Расея: зб. арт. – Варшава: Arche, 2006. – С. 9–24.
14. Шмитт, К. Политический романтизм / К. Шмитт; пер. с нем. Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2006.
15. Грох, М. Консенсусное объяснение формирования наций / М. Грох [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=257&Itemid=52. – Дата доступа: 20.03.2014.

Поступила 30.03.2014

LITVINIAN-KRYVIAN CONCEPT IN THE ETHNO-CULTURAL PARADIGM OF ROMANTICISM

I. SHUMSKAYA

Article is devoted to the consideration of interaction's character between the ethno-cultural paradigm and national identity forming process. In this regard Litvinian-Kryvian concept, which started to form in the Romantic period, now becomes to be very popular among the substantial part of modern Belarusian intellectual elite. It looks as a specific tool, which emphasizes the uniqueness of the local ethno-cultural environment and its separation from so-called "Russian world". The author considers the modern return of interest to this concept as a particularity of political romanticism. It is noted that the phenomenon of ethnic and cultural paradigm could be observed an important element that helps to concretize the scientific view on the socio-cultural reality.